

К 150-летию со дня рождения В. И. Вернадского

А. Г. НАЗАРОВ

ЮБИЛЕИ В. И. ВЕРНАДСКОГО*

Владимир Иванович Вернадский (1863–1945) прожил долгую жизнь, насыщенную судьбоносными для России и мира событиями на рубеже двух исторических эпох – последней трети уходящего XIX и первой трети XX в. Первая эпоха – детство, отрочество, юность, получение образования, поиски жизненного идеала и выбор жизненного пути – совпала с относительной стабильностью Российской империи, укреплением российского присутствия в мире, ростом культуры, науки и образования. Вторая – недолго мелькнула Серебряным веком русской культуры, предгрозовой революцией на баррикадах 1905 г., Первой мировой войной 1914–1918 гг., Февральской революцией и падением монархии, Октябрьским переворотом 1917 г., захватом власти большевиками, Гражданской войной. Братоубийственной, жестокой, уничтожающей человеческие ценности любви, милосердия, солидарности. Обнажившей низменные инстинкты человеческой природы существовавшего в предсказаниях, казавшихся утопическими, Грядущего Хама.

И все это выпало пережить, осмыслить, не сломаться, обрести смысл в новой жизни поколению высокообразованных русских интеллигентов. Тех, кто размышлял о судьбах России и всего человечества. Тому из них, кто открыл для себя и для окружающей ойкумены колыбель всего живого, планетарную биосферу Земли, создал великое учение о биосфере и ее человеческом продолжении – ноосфере. Вначале лишь зовущем идеале, хрупкой мечте, медленно, по крупичкам наполняющейся содержанием ноосферной реальности, где вместе со «сферой разума» неразделимо существуют добро и зло нашей жизни.

* В основу статьи положен доклад автора на заседании 86–87 Пленума Национального комитета по истории науки и философии в ИИЕТ РАН 22 ноября 2012 г.

© А. Г. Назаров. ВИЕТ. 2013. № 1. С. 3–13.

В.И. записал в дневнике, что он прожил интересную жизнь. Поэтому, считал он, важно донести мысли и наблюдения до других. А для этого необходимо постоянно трудиться, отмечать события пережитого, вдумываться в суть произошедшего и вновь происходящего. Вся жизнь Вернадского – в десятках тысяч страниц его трудов в разных областях науки, истории, культуры, образования, в его дневниках и письмах, в самом большом его архиве в Академии наук – предстает перед исследователем и благодарным читателем как нескончаемая цепь раздумий о сущем, размышлений о законах мироздания и месте в нем человека.

Но в этой бесконечной ленте жизни, в трудах гениального ума и твердой воли были свои временные остановки, чтобы оглянуться на пройденный путь, наметить новые цели и ориентиры. Таких остановок при жизни Вернадского было немного, всего две-три, а сколько их будет в полете его освобожденной мысли в просторах будущего (ноосферного? как знать!) человечества, «нам не дано предугадать». Как отзовется слово его далеких потомков, мы не узнаем. Возьмут ли они с собой земную биосферу в космические местообитания, как образец обители жизни, увидят ли в концепции ноосферы Вернадского что-то большее, чем призрачную мечту, и построят ли на ее основе более совершенный мир далекого будущего – решать не нам. Нам остается верить, что пока есть человек и его колыбель жизни, земная биосфера, идеи нашего великого соотечественника будут живы и востребованы наукой, культурой и практической жизнью людей.

А «остановки» в череде жизни Вернадского мы попробуем связать с его юбилеями. Так уж устроен человек: нам нужно иногда остановиться, оглянуться, подумать, что делать дальше, набраться сил для жизненной борьбы.

«...Друзья, ученики, сотрудники»

При жизни юбилеи Владимира Ивановича Вернадского не отмечались. Он был убежденным противником помпезных юбилейных торжеств и юбилейных речей, никогда не носил наград, не указывал избрание его в целый ряд зарубежных академий и международных научных обществ. Но чутко откликался на юбилейные даты своих выдающихся ученых коллег по Российской академии наук и научные достижения учеников и сотрудников, посвятив им около 90 емких статей – очерков о научном и культурном значении их творчества для России и мирового сообщества¹. Некоторые из них, по мнению историков науки, такие как речь к юбилею академика К. М. Бэра, памяти академика А. П. Павлова, исследования Вернадского о роли М. В. Ломоносова в русской науке и культуре, также навеянные ломоносовским юбилеем, представляют подлинные историко-научные и историко-культурные шедевры, не теряющие актуальности и в наше время².

¹ Вернадский В. И. Статьи об ученых и их творчестве. М., 1997.

² Мочалов И. И. Карл Бэр и Владимир Вернадский: фрагменты жизненных сближений // Первые академические бэровские чтения. Сб. докладов / Гл. ред. А. Г. Назаров. М., 2010. С. 51–74; Назаров А. Г. В. И. Вернадский и А. П. Павлов: концепция чувства природы // Материалы научно-практической конференции «Проблемы региональной геологии: музейный ракурс», посвященной 150-летию со дня рождения основателя Московской геологической школы академика А. П. Павлова (1854–1929) и почетного академика М. В. Павловой (1854–1938). М., 2004.

Попытки сотрудников и близкого окружения В. И. Вернадского отметить его прижизненные памятные даты предпринимались дважды: в связи с двадцатипятилетием и пятидесятилетием его научной и педагогической деятельности. Они выразились в издании двух посвященных академику сборников³. Первый вышел с трехгодичной задержкой, в 1914 г., второй – в 1936 г. В дневниках Вернадского за 1935–1938 гг. приведена выписка из его «Хронологии 1936 г.». В ней он выражает свое отношение к описываемым событиям:

Вышел огромный двухтомный сборник статей под заглавием: «Академику В. И. Вернадскому к пятидесятилетию научной и педагогической деятельности». I том 606 стр. Дан в набор 23. III.1936, подписан к печати 5.IX.1936 – то же число и для II тома 607–1272 (стр). Почетный редактор А. П. Карпинский, президент Акад. наук, разрешение печатать дано Н. П. Горбуновым – неперменным секретарем. Без его согласия сборник не мог бы выйти в свет.

«Глубокоуважаемому и дорогому Владимиру Ивановичу Вернадскому друзья, ученики и сотрудники». А. П. Виноградов, который организовал сборник, говорил со мной о моем юбилее, я решительно отказался его праздновать, указывал, что я не допустил и 25-летнего юбилея. Тогда был издан сборник, и А. П. (Виноградов) этим воспользовался. Я сказал, что при трудности печатания – многое остается в рукописях – я не могу возражать, особенно когда был сборник 25-летия, когда было гораздо легче печататься. А. Е. Ферсман был, кажется, единственный в Москве, который участвовал в организации и того, и этого сборника. Тот сборник должен был быть организован в 1911 (г.), когда 25 лет прошло после моей первой научной работы. В связи с этим сборник был издан в 1914 (г.) Моск[овским] об[ществом] исп[ытателей] природы.

В этом сборнике [1936 г.] помещены статьи и духовно близких мне людей, и чуждых по духу или по характеру работы лиц...⁴

Мы не знаем, кого из авторов посвященного ему сборника Вернадский относил к «чуждым по духу или по характеру работы», но в контексте его высказываний «чуждость» означала, скорее, просто «неблизость» к интересам и устремлениям В. И. некоторых ученых, принявших участие в большой коллективной работе. Она была организована А. П. Виноградовым и А. Е. Ферсманом, Вернадский к ней отношения не имел.

Далее в «Хронологии» Вернадский перечисляет всех авторов сборника по принятой в содержании книги классификации научных направлений: теоретическая геохимия, кристаллография, геохимия отдельных элементов, биогеохимия, геохимия газов, радиоактивность, минералогия, геология, петрография, география, биоценология, история естественных наук. Всего В. И. насчитал

С. 38–40; Микулинский С. Р. В. И. Вернадский как историк науки // Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. М., 1981. С. 5–31.

³ Сборник в честь 25-летия научной деятельности Владимира Ивановича Вернадского. М., 1914; Академику В. И. Вернадскому к пятидесятилетию научной и педагогической деятельности / Почетный

ред. президент Академии наук СССР акад. А. П. Карпинский, ред. А. Е. Ферсман. Т. 1–2. М., 1936.

⁴ Вернадский В. И. Дневники 1935–1941 в 2 кн. / Отв. ред., сост. В. П. Волков. М., 2008. Кн. 1. 1935–1938. С. 100.

100 авторов статей (по нашим подсчетам, 99 авторов и соавторов научных работ и 2 соавтора обширной библиографии Вернадского из 315 названий, без учета некоторых статей в дореволюционных газетах и многочисленных отзывов и рефератов В. И. по отечественным и зарубежным изданиям. – А. Н.). Среди 100 авторов сборника – будущий нобелевский лауреат Отто Ган и 25 действующих или в ближайшие годы избранных академиков (А. Е. Ферсман, Н. Д. Зелинский, В. А. Обручев, Л. С. Берг, П. П. Лазарев, Б. Б. Полынов, А. А. Полканов, Н. В. Белов, Д. С. Белянкин, Д. В. Наливкин, А. Н. Заварицкий, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, А. Г. Бетехтин, Г. А. Надсон, А. А. Григорьев и др.), десятки крупных ученых, организаторов науки и новых отраслей промышленности (И. В. Курчатов, А. П. Виноградов, В. Г. Хлопин, В. В. Аршинов, Г. Ф. Мирчинк, Д. И. Щербаков, А. В. Шубников, А. Ф. Капустинский, С. В. Бруевич, В. И. Баранов, И. Е. Старик, Л. В. Пустовалов, А. К. Болдырев, Л. В. Мысовский, В. А. Зильберминц, М. А. Усов, Н. И. Безбородько, М. А. Блох).

Вернадский продолжает:

Из них были арестованы к сегодняшнему дню: Болдырев, Полынов (вернулся – постарел и осунулся), Зильберминц, Бруновский (умер в тюрьме. Никаких сомнений, что невинно), Федоровский (старый ком(м)унист), П. Червинский (вернулся), Микей (слух расстрелян). От Писаржевского, Н. Безбородько. В. Аршинов (вернулся, потерял глаз) Г. А. Надсон (умер?) – 9 человек, из них 2 умерли. Сомнений (в) «виновности» может возбудить только Федоровский, крупный большевик (еще) до революции – в 1911 (г.) Арестован и (Н. П.) Горбунов. Надсон и Горбунов исключены из Академии – 11 %. Умерли, сверх указанных, еще насколько знаю: (А. Н.) Филиппов – самоубийство, Л. Мысовский, П. Пилипенко, Архангельский, Левинсон-Лессинг, Усов, Блох (всего 7, а с арестованными 9) – 9 % ⁵.

В действительности картина набравшего в 1936 г. силу сталинского террора была значительно более тяжелой, чем мог представить Вернадский в силу неполноты и закрытости информации.

⁵ Там же. Запись В. И. Вернадского в «Хронологию 1936 г.», по памяти, не совпадает с дневниковыми записями и относится, по-видимому, к концу 1940 – началу 1941 г., что подтверждается рядом документально установленных фактов: директор Почвенного института АН СССР Борис Борисович Полынов (1877–1952) был арестован в мае 1937 г. и освобожден («вернулся») в конце марта 1939 г., что дополнительно к собственным сведениям ученого о своем аресте (Лялин С. П., Перченко Ф. Ф. Записки Б. Б. Полынова о 1937 г. // In *memoriam*. Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка / Сост. А.И. Добкин, М.Ю. Сорокина. М.; СПб., 1995. С. 253–271) документально подтверждается его восстановлением в членах Академии наук «за прекращением дела» 28 июня 1939 г. Выдающийся организатор институтов ЛИТОГЕА и Всесоюзного института минерального сырья (ВИМС), чье имя ныне выбито на мемориальной доске этого института, Владимир Васильевич Аршинов (1879–1955) также «вернулся» (инвалидом) в июле 1939 г., спустя год после ареста. Наконец, Вернадский в 1936 г. не мог знать о «смерти в тюрьме» своего сотрудника БИОГЕЛ с 1928 г. радиолога Бруно Карловича Бруновского (1900–1938), арестованного в марте 1938 г. и погибшего в ГУЛАГе (подробнее см.: Памяти первых российских биогеохимиков / Ред. Э.М. Галимов. М., 1994. С. 87–120). Мной уточнены и сопоставлены с дневниками Вернадского также некоторые другие сведения, приводимые В. И. в «Хронологии».

В январе 1936 г. у Вернадских дома состоялась встреча с геологом-нефтяником Н. Н. Тихоновичем, первооткрывателем нефти в Тимано-Печорском регионе, учеником и сотрудником В. И., работавшим в Минералогическом музее Московского университета в 1890-х гг. О нелегкой судьбе первооткрывателя нефти написана книга ⁶. После ареста в 1928 г. Тихонович переходил из тюрьмы в тюрьму и оказался в конце концов в казахстанской ссылке, а открытие нефтеносного региона состоялось во время его работы геологом в Ухтпечлаге в 1932–1939 гг.

Запись в дневнике после встречи:

Ник[олай] Ник[олаевич] (Тихонович) пострадал в 1929 году – началось в 1928. <...>

Был приговорен к см[ертной] казни. Пережил очень много. Среди ГПУ есть ряд энергичных идейных людей, они считают, что они не ошибаются, и все в крови. На Ухте в его время был расстрел неск[ольких] начальствующих, бывших (заключенных) железными палками и приведших к гибели от цинги сотен заключенных.

Как эти люди будут существовать при нормальных госуд[арственных] условиях? ⁷

На этот вопрос ученого смогут ответить, наверное, еще не скоро. Вернадский подводит итог:

Положение научной работы чрезвычайно ухудшается из-за диктатуры партии. Это ярко

проявляется на каждом шагу. Получают значение и влияние люди малообразованные, часто морально много ниже среднего, иногда фанатики и психически неуравновешенные ⁸.

Весь «юбилейный» год, как и в последующие предвоенные 1937–1940 гг., Вернадскому приходится бороться за сохранение своей Биогеохимической лаборатории, за сохранение жизни своих учеников, сотрудников, своих коллег из научной, особенно академической среды. И если до 1936 г., несмотря на известные нападки философов-марксистов на его личные научные работы, Вернадскому удавалось сохранять и развивать биогеохимические исследования и обезопасить своих ближайших сотрудников от репрессий, юбилейный год оказывается роковым. В октябре 1936 г. во время пребывания Вернадского и Виноградова в зарубежной поездке для ознакомления с постановкой дел в европейских научных центрах, в Москве подвергается аресту молодой сотрудник Биогеохимической лаборатории (БИОГЕЛ) Анатолий Александрович Кирсанов (1910–1937). Талантливый, хорошо образованный, выпускник Берлинского политехнического института – с такими как он Вернадский связывал будущее развитие биогеохимии. Успел опубликовать только одну научную работу «Золото в организмах». Одновременно с ним арестовывают его друга 25-летнего Николая Александровича Лебедева (1911–1937), учившегося на почвенно-географическом факультете МГУ, сына почвовед-проф. А. Ф. Лебедева. После ареста отца (1931) арестовали и сына, исключив из университета. Затем выпустили, восстановили в МГУ. Он увлекался поэзией, Вер

⁶ Смоленцев Л. Н. Голгофа России. Сыктывкар, 1993. ⁷ Вернадский. Дневники 1935–1941... Кн. 1. С.

68. ⁸ Там же. С. 80.

надский называл его «замечательным поэтом» (см. запись в «Дневнике» от 8 февраля 1936 г. ⁹). В 1936 г. Лебедев подал заявление в Институт философии и литературы (ИФЛИ), но 23 октября 1936 г. был арестован.

В ноябре 1936 г. Вернадский с женой и Виноградов вернулись из поездки по странам Европы – последней, в которую был отпущен ученый. На запрос В. И. о причинах ареста и судьбе своего сотрудника был получен стандартный ответ: «осужден на 10 лет лагерей без права переписки». Тогда еще не знали, что кроется за таким ответом. Обоих друзей расстреляли через полгода после ареста, в 1937 г. ¹⁰ В ноябре 1936 г. арестован один из самых опытных сотрудников БИОГЕЛ, работавший там с 1931 г., кандидат химических наук Александр Михайлович Симорин (1899–1961). Осужден на 5 лет колымских лагерей. В 1943 г. был расконвоирован, работал в больнице Магадана. После реабилитации в 1956 г. возвратился в Москву устраиваться на работу в ГЕОХИ АН СССР им. В. И. Вернадского – преемник БИОГЕЛ. Однако директор института академик А. П. Виноградов, бывший заместитель Вернадского по БИОГЕЛ, в приеме на работу своему бывшему многолетнему коллеге, вернувшемуся из заключения, отказал. Мне повезло перед поступлением в аспирантуру в 1960–1961 гг. на неформальном семинаре в ГЕОХИ встречаться и немного лично общаться с этим замечательным человеком. Его необыкновенно благородный облик навсегда запечатлелся в памяти. Я навещал его могилу на кладбище в Ялте: он похоронен рядом с писателем Александром Грином.

Утраты продолжались и в последующие два года. В сентябре 1937 г. по сфальсифицированному делу была арестована и осуждена на пять лет исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) референт Вернадского по БИОГЕЛ Елизавета Павловна Супрунова (1894–1943). После отбытия лагерного срока она скончалась в ссылке в Кинешме. В 1938 г., как нами отмечено, был арестован и погиб в ГУЛАГе Б. К. Бруновский, опора Вернадского в радиологических исследованиях его Биогеохимической лаборатории. В то же время расстрелян академик Г. А. Надсон, организатор и директор Института микробиологии АН СССР, тесно общавшийся с В. И. Почти в каждой дневниковой записи 1935–1940 гг. он пишет об утратах и даже составляет мартиролог ушедших. И пишет, пишет проникновенно, с болью о своих коллегах, друзьях и сотрудниках, воссоздавая их предельно концентрированные мысленные портреты, их след в человеческой истории.

Может показаться, что здесь чрезмерно сгущаются краски, слишком большой акцент делается на годы сталинского террора, а не научную деятельность Вернадского. Но о его научных исследованиях написаны сотни, если не тысячи статей и книг. И нельзя забывать, что главным для ученого была выработанная им на

пороге вступления в самостоятельную научную жизнь нравственно-этическая программа, в ней основное место занимает деятельность помощь людям, сочувствие и понимание в беде. Нельзя забыть, в каких невероятно трудных условиях тридцатых и послевоенных лет трудилась и творила российская научная интеллигенция. Мне кажется, не случайно

⁹ Там же. С. 78.

¹⁰ Подробнее см.: Памяти первых российских биогеохимиков.... С. 211-213; Волков В. П. У них был кружок мистических поэтов... // Природа. 1991. № 11. С. 126-128.

именно в год пятидесятилетия своей научной и педагогической деятельности и в последующие годы «ужасающего безумия власти», «разрушающей исторические основы государственности», ученый вплотную обращается к разработке ноосферной концепции ¹¹. Вернадский предлагает другое видение устройства мира, и ноосферный подход к развитию может стать комплексной научно-деятельностной программой, объединяющей различные области фундаментального научного и прикладного знания.

80-летний юбилей В. И. Вернадского

Еще одним юбилеем Вернадского, который, как и раньше, не отмечался самим ученым, но был отмечен учеными Академии наук, было 80-летие со дня его рождения 12 марта 1943 г. Вернадский находился вместе с другими пожилыми академиками в Боровом и там узнал о присуждении ему Сталинской премии первой степени и награждении орденом Трудового Красного Знамени за выдающиеся достижения в области науки и техники. В телеграмме на имя Сталина Вернадский просил половину премии использовать на нужды Красной армии в войне с фашизмом. Остальную часть В. И. предусмотрел для помощи своим близким и остро нуждающимся родственникам. Авторитет Вернадского к этому времени был на очень высоком уровне благодаря не только его энциклопедическим знаниям, но и несгибаемому мужеству в упомянутые выше тридцатые годы. Благодаря занятой Вернадским твердой позиции отстаивания научных интересов и нравственного облика российских ученых в годы террора, его заступничеству перед высшей властью, был спасен от физической расправы целый ряд крупных ученых. Достаточно назвать такое крупное дело, как «дело академика Лузина» ¹².

По мнению академика А. Л. Яншина,

глубина знаний В. И. Вернадского позволяла ему смотреть далеко вперед, предвидеть развитие не только отдельных направлений науки, но также отношений между людскими популяциями и взаимоотношений человечества с природной окружающей средой. Крупные ученые – современники В. И. Вернадского высоко ценили его научные труды, его ум и знания. Это видно хотя бы из того, что в марте 1943 г., во время Великой Отечественной войны, когда Академия наук СССР была эвакуирована в Свердловск, там состоялось общее собрание академии, посвященное 80-летию В. И. Вернадского, на котором было принято решение об учреждении премии его имени. До сих пор это остается единственным случаем прижизненного учреждения такого рода наград. Это же видно из тех речей и статей, которые произносились и публиковались два года спустя в связи с кончиной В. И. Вернадского ¹³.

¹¹ Мочалов И. И. Владимир Иванович Вернадский (1863–1945) / Отв. ред. Ю. А. Жданов. М., 1982. С. 445–467; Назаров А. Г. Добро и зло ноосферы // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. 2005. № 2. С. 161–180.

¹² Дело академика Н. Н. Лузина / Отв. ред. С. С. Демидов, Б. В. Левшин. СПб., 1999. ¹³ Яншин А. Л. Предисловие к «Библиотеке трудов академика В. И. Вернадского» // Вернадский В. И. Труды по биогеохимии и геохимии почв. М., 1992. С. 6.

100-летний юбилей В. И. Вернадского

Столетний юбилей В. И. Вернадского был первым, который отмечался в Советском Союзе после кончины выдающегося ученого. Для автора данной статьи, в то время начинающего специалиста, работавшего по распределению на Северном Кавказе, он стал первым личным опытом участия в работе международного форума, к тому же посвященного ученому, с трудами которого о биосфере и по биогеохимии он успел

ознакомиться. Позволю привести здесь свои впечатления о юбилее, как он воспринимался мною около полувека тому назад и заново переживался в процессе подготовки публикации об Александре Леонидовиче Яншине ¹⁴.

На юбилейную геохимическую конференцию 12 марта 1963 г. в Москву впервые приехала представительная делегация иностранных ученых из США, Великобритании, Франции, Германии, Японии, ЮАР и других стран, поэтому проводимое в Институте геохимии и аналитической химии им. В. И. Вернадского АН СССР мероприятие выглядело внушительно и официозно, если не сказать помпезно. Вице-президент АН СССР и директор ГЕОХИ академик А. П. Виноградов сделал все, чтобы показать иностранцам, что Вернадского в СССР чтут и любят, что он – гордость советской и мировой науки. В качестве основного доказательства такой «всеобщей любви» были представлены пять томов «Избранных сочинений» ученого, в основном по проблемам минералогии и геохимии, хотя в последнем томе были опубликованы «Биосфера» и несколько статей по биогеохимии почв и газов ¹⁵. Другим весомым доказательством признания идей Вернадского советскими учеными, по мысли Виноградова, служило участие в юбилейной конференции «большой группы советских специалистов, разрабатывающих конструктивные идеи Владимира Ивановича».

В действительности же Вернадский и его идеи к концу 1950-х – началу 1960-х годов были еще далеки от общего признания и какой-то особой «любви» со стороны научного сообщества, а тем более властей предрежащих. Ярлык «кадета», «буржуазного ученого», находившегося не в ладу с господствующей идеологией марксизма, прочно был приклеен ученому во многих официальных изданиях начиная со статьи о Вернадском в «Большой советской энциклопедии». Да и среди самих ученых-естественников, геологов, географов и биологов его идеи о роли живого вещества в биосфере и в истории развития Земли как планеты не находили единодушного признания: многие о них имели поверхностное впечатление и не использовали в своей работе.

Наглядным примером тому и послужила юбилейная геохимическая конференция 1963 года. В то время на научных форумах еще практиковался живой синхронный перевод со сцены. С русского языка на английский и с английского на русский все дни работы конференции переводили два человека:

¹⁴ Назаров А. Г. А. Л. Яншин: личность на рубеже столетий // Академик Александр Леонидович Яншин. Воспоминания. Материалы. В 2 кн. / Отв. ред. Б. С. Соколов. М., 2005. Кн. 2. С. 142–171.

¹⁵ Вернадский В. И. Избранные сочинения. В 5 т. / Отв. ред. А. П. Виноградов. М., 1954–1960. профессиональный переводчик, кажется с кафедры иностранных языков АН СССР, привлекательная молодая дама, допускавшая много неточностей в передаче узкопрофессиональных геохимических терминов, что было вполне объяснимо для переводчика-лингвиста. О втором переводчике – с ним и связано было мое знакомство с А. Л. Яншиным – нужно сказать особо. Вторым, а по сути главным переводчиком-интерпретатором русскоязычных докладов был член-корреспондент АН СССР Алексей Иванович Тугаринов. Блестяще знавший английский язык (и не только английский!), Алексей Иванович своей истинной интеллигентностью, живым умом и настоящим профессионализмом крупного ученого в первый же день покорила заморскую ученую публику, особенно англичан и американцев, а нам казалось – и всех в зале. Подтянутый, с окладистой темной бородой с проседью, «умным» высоким лбом, доброжелательными улыбочными глазами, приятным глуховатым тембром голоса, Тугаринов был красив какой-то особой мужественной красотой, им нельзя было не любоваться и не восхищаться его знаниями и владением языком.

В повестке дня значился доклад самого Тугаринова «О причине формирования рудных провинций». Вместе со своим спутником, прикрепленным ко мне стажером Ю. Данышиным (ставшим потом профессором Саратовского университета), мы примчались в ГЕОХИ АН СССР пораньше, чтобы занять места получше и поближе к сцене. Аргументированный, с наглядными иллюстрациями, яркий по мысли и изложению доклад Тугаринова ¹⁶ произвел на нас, начинающих биогеохимиков, сильное впечатление, и мы по наивности полагали, что не только на нас, но и на всех присутствующих. Главная его мысль заключалась в том, что образование многих рудных полезных ископаемых связано с деятельностью живых организмов в геологическом прошлом, а не с ювенильным магматическим процессом, как утверждала традиционная геологическая наука. Это было по-настоящему творческое

развитие идей Вернадского о роли живого вещества применительно к процессу рудообразования. Председательствовал Виноградов, после доклада он предложил задавать докладчику вопросы. И тут началось нечто для нас невообразимое. Посыпался шквал вопросов-высказываний – колких, едких, с сарказмом, вызывавших смех в зале. Временами это напоминало организованную обструкцию. Иностранцы недоуменно переглядывались и смотрели на разошедшихся русских коллег, не понимая сути происходящего. Для нас двоих, самых молодых делегатов конференции, суть, конечно, тоже дошла не сразу – ведь речь шла ни много ни мало о принятии новой, вернадскологической парадигмы мышления, о сломе устоявшихся и узаконенных взглядов на всю природу рудообразования. Но что мы сразу поняли со свойственным молодости максимализмом – «их», противников Тугаринова, подавляющее большинство и они не понимают его новаторских идей, не понимают Вернадского и издеваются над добрым, интеллигентным Алексеем Ивановичем, и ему нужно помочь. Запомнилось похожее на торжествующее выражение лица Виноградова, не

¹⁶ Тугаринов А. И. О причине формирования рудных провинций // Химия земной коры. Труды юбилейной геохимической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения академика Владимира Ивановича Вернадского. М., 1963. Т. 1. С. 153-177.

останавливавшего потока вопросов и не делавшего попыток придать обсуждению доклада корректную форму.

В перерыве мы подошли к Тугаринову, выразили ему сочувствие и нашу убежденность «в победе нового». Он пригласил нас в свою лабораторию, где мы познакомились с А. Л. Яншиным. Запомнилось знакомство с Марьей Александровной Драгомировой, ученицей и бывшей сотрудницей Вернадского, в то время хранителем Кабинета-музея Вернадского в ГЕОХИ. Встретила она нас в музее очень приветливо, как будто даже взволнованная встречей с посланцами Северного Кавказа. Рассказала, что по заданию своего учителя работала до войны на Северном Кавказе, изучала миграцию йода. Прощаясь, подарила мне фотографию Вернадского с дарственной надписью. Позже ее напечатали в многотиражке «Геолог Северного Кавказа» с моей статьей-отчетом о юбилейной конференции ¹⁷. Впоследствии, когда мне удалось перейти из заочной в очную аспирантуру и встречаться в ГЕОХИ и ИГЕМЕ с многими здравствовавшими тогда учениками и сотрудниками Вернадского (К. П. Флоренским, И. Д. Борнеман-Старынкевич, В. И. Барановым, В. В. Щербиной, Т. Ф. Боровик-Романовой, В. С. Неаполитанской, Д. П. Малюгой, П. Н. Палеем, Р. Ф. Тейс, М. А. Драгомировой и др.) осталось ощущение иной, как будто исчезающей культуры в общении, доброжелательном отношении к вам и неизменной приветливости, особой тактичности, в первую очередь при обсуждении работ, в готовности всегда помочь нам, молодым аспирантам, несмотря на собственную занятость. И у всех них сохранилось благоговейное отношение к Владимиру Ивановичу Вернадскому как к Учителю с большой буквы. Такое же впечатление производил и Б. Л. Личков, мы дружно ходили на его доклады.

125-летний юбилей В. И. Вернадского

Юбилей отмечался в марте 1988 г. торжественно, в Большом театре, с музыкальным оркестровым вступлением. Приглашены были зарубежные ученые, занимавшиеся творчеством Вернадского, в том числе и наши соотечественники, живущие за рубежом (Полунин, Гегамян). К этому времени были изданы ранее не публиковавшиеся основные рукописи В. И.: «Живое вещество», «Научная мысль как планетное явление», «Химическое строение биосферы и ее окружения», «Избранные труды по истории науки», «Философские мысли натуралиста» и другие фундаментальные научные труды Вернадского, рас

¹⁷ Многотиражка «Геолог Северного Кавказа» издавалась тиражом 1200 экземпляров с 1961 г. в Ессентуках, где располагалось Северо-Кавказское территориальное геологическое управление (СКГУ). Выходила она дважды в месяц и была очень популярна в среде геологов, горняков, геофизиков, геохимиков, работников аналитических лабораторий, широкого круга представителей естественно-научной и технической интеллигенции, работавших постоянно в районах Северного Кавказа или приезжавших туда в экспедиции из других регионов. Узнав о нашей встрече в Москве с Яншиным, редактор газеты (главный геолог СКГУ В. А. Терентьев) распорядился срочно подверстать в апрельский номер вместе с моей статьей о Вернадском и его юбилее статью «Проблемы тектоники» геологов Г.

Баранова и А. Козубенко; в ней обсуждался новаторский доклад Яншина на всесоюзном совещании в феврале 1963 г. Газету отослали ему в Москву.

крывающие грани его дарования не только в естественных науках, но и в философии, истории науки и других сферах познания.

Активно работала Комиссия Отделения геологии, геохимии, геофизики по изучению научного наследия В. И. Вернадского под руководством вначале К. П. Флоренского, затем академика Б. С. Соколова. Работали народные университеты, в которых читались лекции по биосферной и ноосферной проблематике. В Тамбовской области начал разрабатываться проект воссоздания родовой усадьбы Вернадского. Одним из главных событий описываемого 125-летия явились выходы в свет научных биографий Вернадского, написанных профессором И. И. Мочаловым на основе длительного глубокого изучения архивных материалов и опубликованных источников

¹⁸.

В период после 1988 г. отмечались 130-летний и 140-летний юбилеи Вернадского, но они носили больше рабочий характер и выражались в проведении российских и межгосударственных конференций и издании научного наследия Вернадского. Изданы тома переписки В.И. с учеными и с Н. Е. Вернадской. Самым значительным явлением последнего десятилетия, с нашей точки зрения, является подготовка к печати снабженного детальными комментариями издания дневников Вернадского, охватывающих период с 1920-х гг. до 1944 г., включая «Хронологию». Этот поистине титанический высокоинтеллектуальный труд выполнен доктором геолого-минералогических наук Владиславом Павловичем Волковым. Вместе с дневниками украинского периода (два тома), подготовленными М. Ю. Сорокиной, читателям и специалистам в разных областях знания впервые открывается возможность погрузиться в изучение сокровенных мыслей, чувств, предвидений будущих линий развития человечества и земной биосферы одного из гениальных представителей мировой науки и культуры Владимира Ивановича Вернадского.

¹⁸ См.: Мочалов И. И. Владимир Иванович Вернадский (1863–1945) / Отв. ред. Ю. А. Жданов. М., 1982. С. 445–467; Мочалов И. И. В. И. Вернадский – человек и мыслитель. М., 1970.